

3.2. Трактовка «русской нации» в литературе XIX в.

Начиная с 1840-х гг., одной из важнейших задач русской литературы стало изображение русского характера. Его концепция зачастую базировалась на официальном «общерусском проекте», согласно которому восточные славяне в совокупности составляли единую русскую нацию. С развитием украинофильства и стремлением его сторонников к эмансипации от «общерусской народности», в русской среде возникает «украинский вопрос». В конечном итоге, он сводился к конфликту двух точек зрения на малороссов: с одной стороны, речь шла об этносе, входящем в состав русской нации, с другой — о самостоятельном народе. Об отражении этого противоречия в произведениях И. С. Тургенева будет говориться в параграфе 3.2.1.

Ключевую роль в становлении концепции собственно русского (или «великорусского») характера сыграло возникновение славянофильства и полемика сторонников этого течения с западниками. Поскольку концепция русского характера находилась, так сказать, в стадии разработки, его трактовка в литературе долгое время была неопределенной и размытой. О приемах литературного метода и повествовательных техник для изображения русского характера пойдет речь в параграфе 3.2.2.

3.2.1. Концепция «единой русской народности» vs. украинофильство. Малороссы в творчестве И. С. Тургенева*

Елизавета Фомина

Как уже было сказано, в середине XIX в. малороссийский характер мог трактоваться в русской литературе как один из вариантов русского народного характера. Однако изображение малороссов отличалось от того процесса «окультуривания» «русского мужика» в литературе, о котором будет сказано ниже в разделе 3.2.2. Характерным примером служит тургеневское творчество. Если русские крестьяне Хорь и Калиныч со-

* Работа выполнена при поддержке гранта ЭНФ № 7901 ««Идеологическая география» западных окраин Российской империи в литературе». Параграф написан на основании статьи автора: Малороссы в изображении И. С. Тургенева // Русская филология. 23: Сб. науч. работ молодых филологов. Тарту, 2011. С. 31–40.

поставляются у писателя с Гете и Шиллером, то в персонажах-малороссах, напротив, подчеркивается грубость и оторванность от высокой культуры. Попытаемся разобраться в этой системе оценок и выяснить причины такого подхода.

Малороссы в разветвленной этнической характерологии И. Тургенева занимают достаточно скромное место. Тем не менее, обращение писателя к украинской теме — сложной и спорной для русской интеллигенции — не было случайным. К тому времени, когда писатель начал творческую деятельность, в русской литературе существовала устойчивая традиция изображения малороссов. Она утвердилась еще в 1820-е гг., когда сюжеты и образы из украинского фольклора были опоэтизированы К. Рылеевым и О. Сомовым, а затем автором фольклорно-исторических романов А. Вельтманом и Н. Гоголем, чьи «Вечера» во многом продолжают заданную Сомовым традицию романтической фантастики. Эти и другие (в том числе, украинские) писатели создали миф о Малороссии как об особом идиллическом и фантастическом пространстве (об этом см. в параграфе 2.2. настоящей книги), где живет «племя поющее и пляшущее».

Мода на малороссийскую тематику в русской литературе того времени во многом вытекала из деятельности самих украинцев. Раннее поколение украинофилов-малороссов ставило своей целью развитие своего языка и культуры. Их патриотизм был подогрет идеями Гердера. Разумеется, подобный этнографизм зачастую оборачивался идеализацией и созданием мифов, подхваченных затем и русскими авторами.

Однако в 1830-е гг. столь положительная оценка уже не вызывала прежнего единодушия. Польское восстание, повлиявшее на развитие украинского национализма, заставило многих представителей русской интеллигенции пересмотреть свое отношение и к «украинскому вопросу». Просветительство украинофилов теперь приобретало оттенок агитации и протеста — их печатная деятельность разворачивалась не только в Харькове и Киеве, но и в столице, где публиковались художественные произведения на украинском языке, исторические и др. сочинения о Малороссии. Во второй половине 1840-х гг.

бывшие студенты Харьковского и Киевского университетов — Н. Костомаров, П. Кулиш и др. — создали Кирилло-Мефодиевское братство, к которому вскоре примкнул и Т. Шевченко. Участники кружка считали, что в дальнейшем Украина должна стать независимой в рамках федерации, которая объединит и другие славянские государства. Иными словами, именно в 1840-е гг., когда Тургенев вступил в литературу, возникает украинское национальное движение [Миллер: 55], и это кардинальным образом изменило отношение к украинской теме в русской среде.

Сепаратизм украинофилов вызвал опасения правительства, и братство вскоре было запрещено, а его участники отправлены в ссылку. Негативно отнеслись к украинскому вопросу и многие представители русской общественности. Поразительное единодушие с позицией официозных изданий («Северная пчела», «Сын отечества») проявил представитель противоположного литературного лагеря — В. Белинский. В рецензии на сборник «Ластовка», вышедший в Петербурге на украинском языке (1841), критик отрицал самостоятельность украинского и призывал авторов писать на общедоступном литературном языке (русском), а не на диалекте, понятном лишь малороссийским крестьянам. В этой небольшой заметке Белинский приводит много цитат из сборника, призванных продемонстрировать убожество языка и мысли украинских авторов. Подытоживает он отзыв шовинистической оценкой: «Хороша литература, которая только и дышит, что простоватостию крестьянского языка и дубоватостию крестьянского ума!» [Белинский 1954а: 179].

Не меньший скепсис вызвала у Белинского и «История Малороссии» Н. Маркевича (1843). В рецензии критик писал, что истории *Малороссии* не существует, т. к. она не является государством, никогда им не была и не будет. Причины неспособности украинцев к созданию собственного государства Белинский видел в особенностях их характера:

Малороссы любили свое мужичество, как свою национальную стихию, как поэзию своей жизни, хотя сами и назывались «дворянами», даже сидя в шинках или валяясь в грязи. И эта черта их

народности была причиною фанатической ненависти к ним поляков, кроме католического фанатизма. Поляки называли их мужиками и холопами. Правда, эти мужики и холопы поступали с большею честностию, благородством, рыцарственностию и великодушием, чем благородные магнаты польские, хваставшие перед малороссами своим «гонором» и своею «эдукациею» [Белинский 1954b: 63].

Но уже в следующем абзаце той же статьи Белинский высказывает противоположное мнение о свойствах малороссов:

В истории Малороссии самое интересное — это нравственная физиономия племени, обладавшего такою упругою, неукротимою силою характера, находившего поэзию и упоение жизни в оргии битвы и молодецкого разгула, как выражение *широкого размета души*... История Малороссии исполнена дикой поэзии, как ее поэтические народные думы [Там же: 64].

Приведенные фрагменты показывают, как происходит контаминация двух «мифов». С одной стороны, созвучного идеям правительства «цивилизаторского» мифа о том, что Малороссия — край мужичества, который должен быть цивилизован более развитыми народами — польским и, главным образом, русским. С другой — «романтического» — о поэтичном и героическом племени. На то, что второй абзац навеян творчеством Гоголя, а не личным знакомством Белинского с малороссийской культурой и бытом, указывает выделенная критиком цитата из «Тараса Бульбы»¹. Собственно говоря, противоречивая оценка Белинского даже не смешивает два мифа, а демонстрирует две стороны одной медали. Малороссия как часть империи — экзотична и позитивна, это край рыцарства, творческих и искренних натур. Но как только эта часть заявляет о своих правах, рыцарство оборачивается пьяным разгулом, поэзия — варварством, а непосредственность — дикостью, которые необходимо обуздать и искоренить с помощью благотворного цивилизующего влияния.

Белинский не изменил своего отношения к украинскому вопросу и позднее, даже после закрытия Кирилло-Мефодиев-

¹ И, возможно, слово «племя» (ср. отзыв Пушкина на «Вечера»).

ского общества. В письме к П. Анненкову (нач. декабря 1847 г.) он, раздраженный цензурными ограничениями, вызванными арестом украинофилов, писал:

Ох мне эти хохлы! Ведь бараны — а либеральничают во имя га-лушек и вареников с свиным салом! И вот теперь писать ничего нельзя — все марают. А с другой стороны, как и жаловаться на правительство? Какое же правительство позволит печатно проповедовать отторжение от него области?²

Однако после реабилитации украинофилов русская интеллигенция склонна была оценивать их участь совершенно иначе. Тургенев в своих «Воспоминаниях о Тарасе Шевченко» (1876) сочувственно писал: «Нам всем, тогдашним литераторам, хорошо было известно, какая злая судьба тяготела над этим человеком» [Тургенев 1988: 392]. Косвенное свидетельство того, что и во время разгрома общества реакция писателя отличалась от мнения его соратника и учителя Белинского, находим в творчестве Тургенева.

Спустя месяц после закрытия Кирилло-Мефодиевского братства он начал писать рассказ «Реформатор и русский немец» (апрель 1847), в котором привлек украинскую тему для характеристики своего героя «от противного». Главный герой — помещик, пытающийся полностью регламентировать быт своих крестьян, «был тип русского педанта, заметьте, русского, не малороссийского... Между тем и другим разница страшная, на которую тем более следует обратить внимание, что со времени Гоголя часто смешивают эти две родные, но противоположные народности» [Тургенев: III. 364]. Размышление автора здесь явно выпадает из основного повествования, поэтому содержащийся в нем отзвук журнальной полемики, развернувшейся вокруг украинского вопроса в 1830-е – 40-е гг., до-

² Приблизительно в это же время идеологический противник Белинского, Н. И. Греч, выразил схожие воззрения в записке в III отделение, где предлагал усилить русификацию западных губерний [Миллер: 59].

полнительно акцентируется. Незавершенность рассказа³ как раз обнажает авторскую позицию, т. к. в этом черновом она выражена прямолинейно, что редко бывает в обработанных Тургеневым текстах. Для нас важно, что в каком-то смысле позиция солидарна здесь с точкой зрения украинофилов.

Более того, несколько лет спустя, Тургенев спародировал высказывания Белинского о малороссах в романе «Рудин» (1855) — в эпизоде, где Пигасов высмеивает украинскую культуру. Этот герой, изображаемый неизменно иронически, в своем глумлении пользуется, однако, теми же приемами, что и Белинский в рецензии на сборник «Ластовка»:

— Если б у меня были лишние деньги, я бы сейчас сделался малороссийским поэтом <...>

— Разве вы знаете по-малороссийски?

— Нимало; да оно и не нужно <...> Стоит только взять лист бумаги и написать наверху: «Дума»; потом начать так: «Гой, ты доля моя, доля!» или: «Седе казачино Наливайко на кургане!», а там: «По-пид горою, по-пид зеленою, грае, грае воропае, гоп! гоп!» или что-нибудь в этом роде. И дело в шляпе. Печатай и издавай. Малоросс прочтет, подопрет рукою щеку и непременно заплачет, — такая чувствительная душа!

— Помилуйте! — воскликнул Басистов. — Что вы это такое говорите? Это ни с чем не сообразно. Я жил в Малороссии, люблю ее и язык ее знаю... «грае, грае воропае» — совершенная бессмыслица.

— Может быть, а хохол все-таки заплачет. Вы говорите язык... Да разве существует малороссийский язык? Я попросил раз одного хохла перевести следующую, первую попавшуюся мне фразу: «Грамматика есть искусство правильно читать и писать». Знаете, как он это перевел: «Храматыка е выскусство правьльно чытаты ы пысаты...» Что ж, это язык, по-вашему? самостоятельный язык? Да скорей, чем с этим согласиться, я готов по-

³ Тургенев мотивировал свой отказ от продолжения работы цензурными соображениями. В одной из бесед с Н. Островской он признавался, что главный герой вышел у него чересчур похожим на Николая I. В таком свете возникновение малороссийской темы может быть не случайным (противопоставление русского педанта малороссийским; императора украинофилам).

зволить лучшего своего друга истолочь в ступе... [Тургенев: V. 215–216].

Этот фрагмент навлек на Тургенева недовольство деятелей украинского национального движения. П. Кулиш воспринял уничижительную реплику Пигасова как мнение самого автора [Битюгова, Габель: 492]. Упрек, как кажется, не имел достаточных оснований, текст романа не дает основания для подобного восприятия. Кроме того, тесное общение с петербургскими малороссами, с которыми Тургенев сблизился в 1859 г. и поддерживал контакты позднее [Голованова; Драгоманов], сотрудничество и помощь многим из них свидетельствуют о противоположном. Тургенев неоднократно содействовал публикации рассказов М. Вовчок на украинском языке, а один из них даже перевел на русский, тем самым как бы признавая полноценность и независимость украинского языка. Вместе с тем в своих «Воспоминаниях о Шевченко», ставших предисловием к пражскому изданию «Кобзаря», он оценивает украинскую литературу невысоко, а описание украинского поэта дается не только сочувственно, но и иронически.

Первая встреча Тургенева с Шевченко произошла в 1859 г. Тургенев слышал о нем еще до его ареста. Ему несомненно была известна и рецензия Белинского на сборник «Ластовка», среди авторов которого был Шевченко. И хотя «Воспоминания» написаны не в тональности Белинского, Тургенев также выделяет в облике украинского поэта два полюса. С одной стороны, он пишет об «оригинальном и сильном таланте», о страстности его натуры, но, с другой, оговаривается: «едва ли кто-нибудь из нас признавал за ним то громадное, чуть не мировое значение, которое, не обинуясь, придавали ему находившиеся в Петербурге малороссы» [Тургенев 1988: 392]. Тургенев подчеркивает и наивное самолюбие поэта-самородка, и его необразованность («Читал Шевченко, я полагаю, очень мало, — (даже Гоголь был ему лишь поверхностно известен), а знал еще меньше того...»), и пьянство. Вывод, который следует из такой двойной оценки: самобытности украинской культуры отрицать нельзя, но она провинциальна и не может равняться с европейской.

В тургеневском творчестве следы цивилизаторского мифа еще более заметны, хотя персонажи-малороссы у Тургенева немногочисленны. Центральным образом является лишь героиня повести «Затишье» (1856), в остальных текстах им отводится эпизодическая роль. Таковы Сидоренко и Силявка в рассказах «Андрей Колосов» (1844) и «Жид» (1847), Михалевич в «Дворянском гнезде» (1858) и Маркелов в «Нови» (1876).

Уже в первом рассказе Тургенева «Андрей Колосов», написанном в самый разгар журнальной полемики вокруг украинского вопроса, появляется малоросс Сидоренко. Украинские националисты пытались тогда укрепить свои позиции в столице. На 1840–45 гг. приходится деятельность журнала «Маяк», известного своим «исступленным» славянофильством (Зеньковский)⁴. В нем публиковались сочинения малороссийских авторов, в том числе, и на украинском языке. Журнал вызывал особое раздражение западника Белинского, и этим, в частности, комментаторы объясняют уже процитированные нами шовинистические утверждения критика.

Тургеневский персонаж, конечно, не имеет ничего общего с украинской интеллигенцией, но корреляции с «демократическими» героями украинофильских сочинений — несомненны. Сидоренко груб и необразован, а его дочь Варя (наполовину русская) — искренняя и наивная девушка, вместе с тем, простовата. Характеристика героя, его плебейство и невежество варьируют оценку малороссов в напечатанной годом ранее рецензии Белинского на сочинение Маркевича. Однако в «Колосове» отрицательные качества героев не имеют политической подоплеки, здесь нет намеков на украинский сепаратизм. Перед нами, скорее, попытка решения основной художественной задачи Тургенева в этот период — проблемы изображения героя из «низов». В поисках собственной концепции будущий автор «Записок охотника» полемически переосмысляет образы, представленные на страницах украинофильских и славя-

⁴ Украинофильство на этом этапе зачастую трактовалось как одна из форм славянофильства.

нофильских сочинений, и опирается в этом на «цивилизаторский» миф.

В рассказе «Жид» Тургенев снимает встречавшееся у Белинского противоречие между цивилизаторским и романтическим мифами. Демократический герой, фактически, двойник Сидоренко (он груб, невежествен, принадлежит к военному сословию) — помещается в рассказе в иное «семантическое поле». Действие разворачивается в эпоху наполеоновских войн, это история о встрече с прекрасной еврейкой, предательстве и смерти. Романтический антураж дополняется явной ориентацией текста на повесть «Тарас Бульба». Гоголевское влияние прослеживается уже в способах номинации (ср. фамилию вахмистра-малоросса — Силявка, и то, как он называет свою кобылу Прозерпину «Прожерпыла»). Из гоголевской повести в рассказ переходит и конфликт малоросса с евреем. Но, в отличие от казаков «Тараса Бульбы», тургеневский малоросс сам перенимает многие черты гоголевских евреев. Силявка алчен, грабит мирных жителей, принимает «мзду» от Гиришеля и, вместе с тем, отдает его на смертную казнь. Такая переадресация качеств приводит к развенчанию романтического ореола, созданного авторами 1820–30-х гг., и свидетельствует о том, что писатель отказывается от следования романтической традиции в изображении своих героев.

Однако это не означает полного отказа от изображения положительных персонажей-украинцев. Очевидно, Тургенев черпал позитивные качества своих героев уже не из романтического мифа, а, главным образом, из живого примера украинофилов и их борьбы за свою культуру. Не случайно, главными свойствами Михалевича («Дворянское гнездо») и Маркелова («Новь») оказываются энтузиазм и беззаветная преданность своему делу, хотя, при всей симпатии автора к этим героям, они также изображаются с легкой иронией. Михалевич образован, но он — горемычный скиталец, так и не сумевший устроиться в жизни, его неутомимый энтузиазм и наивный оптимизм вызывают раздражение Лаврецкого. Спустя 10 лет после окончания университета, он по-прежнему остается восторженным студентом и «придерживается фразеологии 30-х гг.».

Тем самым автор дает понять, что развитие этого героя остановилось, несмотря на его постоянное «горение» и энтузиазм.

Относительно другого идеалиста, хотя и на иной лад — Маркелова из «Нови», преданного народническим идеям, Тургенев, наряду с упоминанием о его исключительной честности и нравственной стойкости, уже прямо говорит о тупости, фанатизме и неспособности к размышлениям. В обоих случаях прослеживается влияние представлений о «твердолобости» и «дубоватости» (используя выражения Белинского) украинцев, на которое наслаиваются и собственные размышления Тургенева о разделении людей на Дон-Кихотов и Гамлетов. В этом смысле «малоросскость» оказывается созвучной донкихотству, понятому Тургеневым как способность верить и неспособность мыслить.

Тем не менее, обогащение художественной концепции украинского характера у Тургенева по-прежнему основывается на идее грубой и дикой силы, не поддающейся влиянию цивилизации. В том же «Дворянском гнезде», наряду с положительным образом Михалевича, выведен любовник Варвары Павловны Лаврецкой, украинского происхождения, описание которого прямо коррелирует с образами из ранних тургеневских рассказов:

Закурдало-Скубырников, из отставных гвардейских усоносов, человек лет тридцати восьми, необыкновенной крепости сложения. Французские посетители салона г-жи Лаврецкой называют его “*le gros taureau de l’Ukraine*”; Варвара Павловна никогда не приглашает его на свои модные вечера, но он пользуется ее расположением вполне [Тургенев: VI. 153].

В повести «Затишье» оторванность от культуры атрибутируется героине — Марье Павловне, несмотря на явную авторскую симпатию к этому образу. Во взгляде Марьи Павловны Астахов замечает «что-то дикое, красивое и тупое, напоминавшее взор лани»⁵, а ее малороссийские корни символизируют

⁵ Примечательно, как Тургенев меняет первоначальный смысл цитаты из характеристики пушкинской Татьяны. У Пушкина сравнение с ланью относится лишь к поведению Татьяны, здесь

ют здесь одновременно внутреннюю мощь и интеллектуальную скудость. Вообще, этничность героини сама по себе не важна, главное в «Затишье» — размышления об особенностях русского национального характера. Но его составляющими, по Тургеневу, оказываются качества, которыми традиционно наделялись другие народы. Например, «цыганские» черты в характере Веретьева — его беспочвенность и страсть к свободе — трактуются в тексте как неизменно русские качества. Точно так же и малороссийское происхождение Марьи Павловны не противоречит ее «настоящей русской, степной красоте». Писатель инкорпорирует в свою концепцию «русской души» инонациональные качества, более того, «малороссийское» становится тут квинтэссенцией «русского». В этой связи ключевым оказывается противопоставление русского начала европейскому, а точнее, — польскому.

Тургенев поддерживал традиционное противопоставление малороссов полякам, о котором говорилось и в статьях Белинского. Но, в отличие от критика, высказавшегося о поляках достаточно сдержанно, Тургенев в «Затишье» доводит описание поляка Стельчинского до карикатуры. Вместе с тем, она вырисовывается автором очень аккуратно — его голос как бы растворяется в высказываниях его персонажей.

Это особенно наглядно проявляется в описании облика Стельчинского. Впервые его портрет дается глазами Астахова, встретившего на балу молодого человека «красивой наружности, в щегольском фраке, с выразительными глазами, тонкими черными усиками и блестящими зубами; золотая цепочка висела полукругом у него на желудке» [Тургенев: IV. 425]. Затем эта характеристика дополняется оценкой Веретьева, замечаящего поляку, что у того «прескверные» сапоги. И эти, казалось бы, незначительные наблюдения, высказанные не самим автором, в совокупности формируют поистине уничтожающую оценку. Две детали — золотая цепочка *на желудке* и «прескверная» обувь — развенчивают претензии на аристократизм,

же оно характеризует духовный и интеллектуальный уровень героини.

и этого обстоятельства не могут затмить ни французский язык, на котором Стельчинский стремится изъясняться, ни его горделивое поведение.

Таким образом, «гонор» и «эдукация», которые, по Белинскому, оправдывали высокомерие поляков по отношению к малороссам, безоговорочно дискредитируются. Перед нами логика Белинского, «вывернутая наизнанку»: если критик считал, что русская и европейская культуры должны искоренить «невежество» малороссов, то Тургенев экстраполирует «малороссийское» варварство на русского человека и ставит это качество выше просвещения и цивилизации. И все же нетрудно заметить, что мнения оппонентов вытекают из одного источника — представления о неполноценности украинской культуры и недостаточной культурной развитости малороссов.

Сказанное заставляет задуматься над принципами бытования и порождения этнических стереотипов. Можно констатировать, что «романтический» миф уже не был для Тургенева актуален. Несмотря на его симпатию и толерантность к украинофилам, наиболее привлекательным для него, как и для многих его современников, оказался «цивилизаторский» миф. На его основе писатель попытался создать и собственную концепцию малороссийского характера — образ ограниченного энтузиаста, своего рода, украинского Дон-Кихота.

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский 1954а: *Белинский В. Г.* Ластовка. ... Собрал Е. Гребенка... Сватанье. Малороссийская опера в трех действиях. Сочинение Основьяненка // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1954. Т. 5. С. 176–179.
- Белинский 1954б: *Белинский В. Г.* История Малороссии. Николая Маркевича. Москва. 1842. Четыре тома // Там же. Т. 7. С. 44–65.
- Битюгова, Габель: *Битюгова И. А., Габель М. О.* Рудин // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1980. Т. 5. С. 463–498.
- Голованова: *Голованова Т. П.* Тургенев в кругу петербургских украинцев // Тургеневский сб. Л., 1969. Вып. 5. С. 363–374.

Драгоманов: *Драгоманов М. П.* Воспоминания о знакомстве с И. С. Тургеневым. Казань, 1906.

Миллер: *Миллер А. И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.

Тургенев: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1978–1986.

Тургенев 1988: *Тургенев И. С.* Воспоминания о Тарасе Шевченко // Воспоминания о Тарасе Шевченко. Киев, 1988. С. 390–393.